

Владислав ЛЕЦИК ● **РАЗ НА РАЗ
НЕ ПРИХОДИТСЯ**
РАССКАЗ

Шоферы в нашем отдаленном Оскорском районе — люди все здоровые, горластые, гайшниками не пуганные. Ездят они по горным «чертовым петлям», зимними ночами сидят с машинами в дымящейся воде речных наледей, из которых выбирают на одной злости. Злости у них хватает и нервы в порядке, а то они давно бы поувольнялись по собственному желанию: ведь каждый шофер имеет собственное желание разъезжать по нормальным дорогам... Изредка, высунув из кабины дробовик, они сшибают глухаря с придорожной лиственницы, но больше хвастают на глухаринные темы, как, впрочем, на все темы подряд. Уличать же их в хвастовстве бесполезно, да и небезопасно, потому что они матерые зубоскалы.

Лет десять назад из сельского района переехал сюда, в поселок Балыктас, шофер Аркаша. Кузьмич, здешний начальник драги, морщился:

— Не Аркаша, а сто рублей убытку.

Это он напрасно. Убытков Аркаша не приносил, работал себе да и работал. Конечно, другие шоферы, вернувшись из дальней поездки, глядишь, привезут какую-то нужную запчасть или разведдают, где можно достать дефицитный материал. А Аркаша в таких делах соображал туговато. Расто-

ропностью он вообще не отличался и в моторе копался дольше, чем другие. А по всему прочему, был конопатый и малорослый. Среди местных отчаянных пузачей и горлохватов ему приходилось ежечасно самоутверждаться.

«Как жизнь?» — спросят у него. А что жизнь? Жизнь как жизнь. Но Аркаша в ответ непременно выдаст ругательство — такое длинное, что если записать его в одну строчку и поставить на попа, не всякий здоровенный мужик дотянется доверху. Благодаря чему и сам Аркаша кажется себе выше и значительнее.

В последнее время Аркашино ругательство удлинилось за счет трех вполне печатных слов:

— Корову купил. Надо.

Что «надо» — это так: трое детишек. А что «купил» — это не совсем точно. Корову купил не он, а его жена Альбина.

В Балыктаке Альбину перекрестили в Орбиту — за округлость и необъятность форм. Ей-то самой наплевать, Орбита так Орбита, хоть в глаза все равно так не называли: назови — не обрадуешься. А вот Аркаша, когда мужики, подмигивая, интересовались, как он переносит состояние невесомости, очень обижался.

Так вот, Орбита сама сторговалась с Кузьмичом, уезжавшим из Балыктака, сама отдала ему деньги (Аркаше она их и не показала), сама увела корову с Кузьмичева двора. Аркаше осталось лишь забрать коровье приданое.

Кузьмич вынес из сарая тальниковое косье и две косы. Аркаша сощурился на ту, что была поновее и покорооче, определил:

— Седьмой номер. — Сощурился на длинную ржавую, одобрительно сказал: — Десяточка.

Понимаете — он на них издалека сощурился, не разглядывая, какие там отштампованы номера... Любой бы оценил такой факт. У нас на севере вообще владельцев коров — раз-два и обчелся, а опытных косарей и того не наберешь. Но Кузьмич, рассеянный, как все отъезжающие, не заметил и не оценил. Больше того, протягивая Аркаше бабку — наковаленку для отбивки косы, — ляпнул:

— А это знаешь для чего?

— Проинструктируй меня! — оскорбился Аркаша.

— Деда Бянкина спросишь, он спец.

Аркаша вскипел, сгреб коровье приданое и ушел, бормоча под нос про всяких занюханых спецов.

Отпуск он взял в прекрасную пору цветения трав. Выка- тил на середину двора чурку, вбил в нее бабку и сел отби- вать косу седьмой номер. «Тюнь-тюнь-тюнь!» — веселая эта музыка, словно выводок пуховых утят, заковыляла по вече- реющему Балыктаку. Дед Бянкин услышал — и поспешил на милый сердцу звук. Долго наблюдал, как идет отбивка, ровно ли оттягивается жало. Под его взглядом Аркаша ти- хонько психовал.

— Соображаешь! — кивнул наконец дед.

— Привет! — презрительно выдохнул Аркаша. — Да я, когда в колхозе жили, знаешь сколько этой травы пови- пластал?

— А я? — мигом завелся дед. — Это сейчас почти все покосы чащей затянуло. А раньше что на прииске было? Кони были! А на конях кто? Бянкин! А сено на ком? На Бянкине всю жизнь сено!

— Ко-они... — Аркаше стало досадно: он еще не упился похвалой, а дед уже все свел к своей персоне. — Я вот шо- фер. А надо — и сена пойду накошу. Я и то, и то могу. А вот ты машину знаешь?

— Машину? — дед помолчал, повел с достоинством пле- чом. — Практички не осваивал, а теоретички — слава богу.

— Что — «слава богу»?

— Не слепой же я! Сопоставлял, что к чему. Где зажи- гание, где газовать... Не темный лес.

— Сопоставлял? Ну, тогда сопоставь, где в машине... — Аркаша покумекал секундочку, — где в машине находятся полуоси?

— Ну... — замаялся дед. — Где полуоси, где полуоси...

— Все ясно! А теперь мне задай — по сему.

Бянкин, поглядывая на умело оттянутое жало «семерки», призадумался. Без особого энтузиазма выдал вопрос:

— Что тебе выгодней косить — листовник или, скажем, пырь?

Теперь замешкался Аркаша. Но не оттого, что не знал, как ответить, а напротив — оттого, что уйма информации по сенному вопросу так и забурлила в нем, просясь наружу, и ему пришлось умерить это бурление, степенно плеснув с нужного краешку.

— Смотря как смотреть, — с расстановочкой сказал он. — Листовник, конечно, более витаминный. Зато чуть его пере- суши, потрес — и уже труха. А пырей не так витаминный, зато не сыплется. Смотря как смотреть!

Деду крыть было нечем, но он нашел чем. Кивнув на отбитую «семерку», сморщил нос:

— Такой литовкой не траву косить, а в ухе ковырять. Я в твои годы меньше десятого номера за косу не считал.

— Да? — обиделся Аркаша. — А где тут десятым номером размахнуться, на теперешних-то ваших латках? На увале? Там то куст, то колодина. Что, нет?

Но вышло так, будто Аркаша оправдывается, будто он затушевывает тот факт, что кишка у него слаба работать большой косой — «десяткой». Дед насмешливо закивал.

— Что киваешь? На пади — то же самое, кочка неровная.

— Конечно! Хе-хе... Кочка!

И дед удалился, не снизойдя до спора и тем самым как бы уложив Аркашу на лопатки.

Аркаша посидел, вынес «десятку», отбил и ее. Положил обе косы перед собой. Н-да... Конечно, «десятка» много травы захватывает, сделаешь мах, сразу чувствуется — производительность! Само собой, силенка нужна, не всякий сможет целый день такую дуру тягать. Но Аркаша в свое время тягал. И сейчас можно бы показать балыктакцам, что он мужик жилистый, хоть и не больно крупный. Но длинная коса хороша на ровных местах, на заливных лугах, где он, бывало, косил в колхозе. А тут начнешь тыкаться... Семерка вернее. Хотя производительность у нее не та. На пацанячем уровне производительность, если честно.

Соображая так и этак, он просидел до ужина, но так ни к чему и не пришел. Решив, что разберется на месте, замотал в мешковину обе косы.

Ну зачем он это сделал! И тем более — зачем наутро, едва развиднялось, не ушел пешком на покос, до которого всего-то четыре километра по спидометру! Черт его дернул лезть в крытый брезентом кузов машины, отвозившей на драгу утреннюю смену...

Сидевший под брезентом заспанный народ привычно ждал любого повода, чтобы выхохотать из себя утреннюю дремоту. А Аркаша тут как тут — сам лезет в кузов со своими двумя косами.

— Ого! — оживился народ. — Ну и вдарит Аркаша по сену! Двумя-то литовками!

— Дуплетом!

Машина тронулась, вылезать было поздно. Аркаша сидел, стиснув зубы.

— Слышь, а чего ж ты их штук шесть не взял?

— Он и двумя погонит — только свист пойдет.

— Аркаша, да ты ж сам за собой копны класть не успеешь! Пресс-подборщик придется пускать!

— А он Орбиту пустит вместо пресс-подборщика.

— Та запрессует! Ха-ха!.. Та на копну сядет — молоко прям с копны выжмет!..

Высадив Аркашу, машина умчалась дальше. Он рывками размотал мешковину. Схватил «семерку», ошалело поглядел на нее — положил. Схватил «десятку» — и со страшной руганью зашвырнул ее в кусты шиповника на обочине. Потом через эти же росистые царапающиеся кусты, не разбирая дороги, полез вверх по косогору.

Когда начал косить, в голове стоял плотный туман злости. А между тем ноги сами собой приняли нужную постановку, руки по-рабочему расслабились, корпус упруго поворачивался в каждом махе. Отточенная «семерочка» словно и не резала траву, а одним своим вкрадчивым шорохом уговаривала ее лечь. «Лечь-слева... лечь-слева!»

Он сделал для пробы коротенький, метра в три, гон — туда и обратно. Валок получился высокий, тугой, из него пучками торчали срезанные цветы, роса белела на стеблях... Знакомое, любимое дело как бы улыбнулось Аркаше, подмигнуло ему, как своему. И злость вышла вся.

Аркаша бросил косу и с удовольствием прогулялся туда-сюда по отлогому увалу. Густо рос мышиный горошек, попадались хорошие латки клевера, цвели всякие прочие травы — все то, что дед Бянкин для краткости звал листовником. Аркаша увидел, что место чистое: Кузьмич не ленился, раскашивал, расчищал из года в год. Да, тут вполне можно поработать длинной косой. Аркаша даже остановился. О чем думать-то! Конечно, надо насадить «десятку»!

Он поспешил к кустам шиповника. Солнце брызнуло из-за сопок. Утро отличное, ветерок все комарье сдувает, стебли листовника мокры от росы, податливы. «Десяткой» он сегодня полтонны сена свалит. А потом еще, и еще... Будет стожок стоять на увале! Будет он виден с дороги, аккуратный, как свечечка...

Ай, какие Аркаша умел вершить стога! В колхозе, было время, как вершить — его просили. И, между прочим, такое однажды дело вышло. Аркаша как всегда стоял на стогу, а среди стогометов была Альбина, его соседка через два дома, крепкая девка, так вся и выпирала из тесного платья. Она вместе с мужиками метала ему наверх длинными стоговыми

вилами слежавшиеся пласты с последних копен (такие навильнички поднимала — дай бог!), а он цепко подхватывал их граблями, ровненько затягивая верхушку, командуя сверху. Стог закончили в сумерках. Все ушли к машине, а Аркаша задержался: хотелось еще поправить кое-где, причесать. Взял грабли, пошел вокруг стога и наткнулся на Альбину. Оттянув вырез платья, она шарила рукой за пазухой, яростно дула туда — сенники кололись, — и все у нее там пышно круглилось, дразнясь, белея в сумерках. «Помоги обдуть-то!» — сказала...

Но где «десятка»? Он же ее сюда куда-то бросил! Аркаша, нахмурившись, еще раз обшарил все вокруг, осторожно раздвигая кусты шиповника. Косы не было.

Аркаша растерялся. А солнце лезло все выше, роса высыхала... Может, плюнуть пока на поиски? Но глупо как-то браться опять за семерку — ради чего же он тогда ухлопал полчаса дорогого времени?

Он кружил и кружил среди отцветающего шиповника, руки сплошь исколол шипами. Ему уже каждый куст был знаком, каждый из еще не опавших розовых цветков. Аркаша совсем ошалел — и не находил сил оборвать это нелепое кружение... Вот и запах от цветов пошел сильней, как от одеколонных флакончиков: солнце нагрело — они и запакли. Обсохли. Была роса, да сплыла. Да что же это за издевательство? Хоть плачь...

Он услышал шум мотора: почтовая машина ехала в Балыктак. Аркаше бы укрыться пока — к чему дурацкие расспросы? — да не сообразил вовремя. Почтовка подъехала, остановилась — а он торчит, как пень, из колючих кустов. Сидевшая рядом с шофером балыктакская телефонистка Клавка выставилась из кабины:

— Чего, Аркаша, лазишь?

— Сено кошу, — буркнул тот.

— Вот те раз! — удивилась Клавка. — А в шипишку-то чего залез — штаны рвать?

— Да так... — Аркаша прикусил губу.

— Нет, серьезно, ищешь чего, что ли?

Аркаша отвернулся.

Клавка хмыкнула, разинула было снова рот, но шофер, слава богу, тронул дальше. Аркаша плюнул вслед почтовке и обложил всяко-разно Клавку, махровую сплетницу. Как потом оказалось, мало еще обложил.

Все-таки нашел он косу. Догадался поискать в другом

месте — и точно — лежит, сволочь, в стороне от тех кустов, которые он себе мало на шею не намотал! Утром в горячке не видел толком, куда швырял.

Аркаша не обрадовался находке, а еще больше расстроился. С кривой усмешкой поплелся к начатому покосу, насадил «десятку», сделал два-три маха — и плюнул с досады... Ну вот! Теперь, когда роса сошла, что проку в длинной косе? Только выдохнешься и точить замучишься: не июнь ведь, трава уже огрубела.

Он глянул вниз — туда, где за дорогой виднелась падь и на кочках рос пырей. Там, в низине, наверняка еще сыро.

Аркаша опустил в траву. Вот опять, как вчера, лежат перед ним две косы. Пойти с «десяткой» на падь, на росу? Тоже как-то не по-людски — бегать туда-сюда... Остаться тут и снова насадить «семерку»?.. «А десятый номер кинуть в шипишку?» — поддел он сам себя. Аркаша хлопнул ладонью по коленке:

— Сам себе создаю черт те что!

Вскочил. Решительно выбил клин из кольца, снял «десятку» и насадил «семерку».

Постоял в оцепенении — и еще более решительно выбил клин из кольца. И опять насадил «десятку».

И пошел на падь.

Пырей и правда был весь в росе. Конечно, кочки, неудобство — но ничего, повыше брать — пойдет дело. Сноровка у него за эти десять лет не выветрилась, он нынче убедился... «Убедился», — тяжело вздохнул Аркаша. Оттого, что он так глупо потерял лучшее, утреннее время, настроение у него испортилось. Он попытался взбодриться: ноги расставил пошире, конец косья упер в землю — и лихо, широкими взмахами зашаркал бруском по лезвию, с молодецким таким, геройским прищуром оглядывая травяной простор и таежные дали, синие сопки...

Лучше бы уж он на косу смотрел: брусок скользнул неудачно, — и располосовал Аркаша указательный палец до кости...

Оскалился, взвыл. Не от боли — от невыносимой досады на себя, на все на свете... Что это с ним сегодня творится?

Коса ржавая, еще и заражение схватишь, ко всему прочему... Дезинфекцию надо сделать. И Аркаша без промедления приступил к обеззараживанию ранки простым и верным способом: расстегнул ширинку и ударил горячей едкой струйкой прямо на порез...

— Здорово, покосчик!

Аркаша с испугу похолодел. Оглянулся — к нему по кочкам тащится дед Бянкин. Аркаша выругался, наспех оправил штаны и повернулся, спрятав раненую руку за спину. Дед приблизился.

— Где же твоя кошенина, покосчик?

— Да я нынче так... ознакомительно.

— Ага! «Десятку» все-таки взял! — сказал дед, обмахиваясь шляпой. — Ну и правильно.

Аркаша стоял столбом, заведя руку за спину.

— Ты чего там прячешь?

— Любопытной Варваре нос оторвали.

— Руку, небось, порезал? — ухмыльнулся дед. — Варвара...

— Не бойсь, не порезал, — с достоинством сказал Аркаша.

— А что ж тогда? — дед удивленно поглядел на него, подумал. Что-то вспомнил... — Стоп! Мне Клавка попалась, говорит — ищет там Аркаша чего-то... А ну, покажь, что нашел.

Аркаша с ненавистью зыркнул на деда.

— Да покажь, не трясись. Если секрет — я молчок!

— Ничего я не нашел.

— А что за спиной прячешь?

— Да на, на! — сатанея, взревел Аркаша и потыкал деду под нос окровавленным пальцем. — На!.. Успокоился?

Дед в самом деле успокоился, но одновременно и обеспокоился:

— Гляди столбняк заработаешь. Помочиться надо!

— А я что делал? — прошипел Аркаша.

Отвернулся и закончил дезинфекцию, а дед тем временем сгонял к обочине за листком подорожника. Аркаша кое-как оторвал от рубашки полоску, разодрав при этом рубаху до подмышки, и сделал перевязку сам — деду не дал, послал его подальше.

Дед не обиделся:

— Ну ладно, сено у меня перевернутое, надо скопнить. — И потрусил на свою деляну.

Порез ныл, кровь толчками билась в пальце. Теперь руку не следовало бы напрягать: кровь может сильнее пойти. Но, с другой стороны, как же ее не напрягать, махая этой длинной дудоргой «десяткой», да еще по неровным кочкам? Значит надо «десятку» пока снять и...

«...и что? — изумился вдруг Аркаша. — Опять — про бе-

лого бычка? Выходит, что это я целый день делаю? Выбираю, какой косой косить?..»

Ему стало так тошно, так мерзко — даже голова заболела! Он посидел, тупо глядя перед собой, потом поднялся и вяло побрел по краю пади. Спугнул с лежки дикого козла, и тот взлаяв, пошел от него прыжками, вскидывая светлый зад. В другом месте, на пригорке, нашел немного земляники. Он старался показать себе самому, что осматривает свои сенокосные угодья — основательно, как следует, по-хозяйски...

Набежала туча, припустил дождь. Он охладил Аркашино горящее лицо и принес паскудное облегченьице: ну кто же в дождь работает, дождь всегда все дело испоганит, и простыть можно, и вообще... Но притворяться в таком духе перед самим собой ему показалось мало. Отплевываясь от стекавшего по лицу дождя, он помчался на деляну к деду. Бянкин сидел под копной, прикрывшись плащом.

— Во! — заорал Аркаша, кивая на дождь. — Ему бы идти, где просят, а он — где сено косят...

Но тут дождь сбавил темп — и вдруг кончился. И снова солнце. Тьфу ты...

— А я успел! — похвастался дед. — Видал?

И показал на две свежесметанных копны. А потом подальше показал — там стояла еще копна, и еще, и еще... Каждый день дед Бянкин косил, копнил помаленьку — и пожалуйста.

Аркаша отвернулся. Тошно было видеть чужое довольство. Бянкин засобирался дмоой.

— Я с тобой, — сказал Аркаша.

— Да ты что? Коси, чудак! После дождя оно как по маслу!

Да. Жара спала, трава смочена, умытая тайга вокруг так и улыбается. Работай да радуйся. Но... Аркаша опустил голову. Почувствовал, что сегодня — все. Не пойдет работа. Паралич какой-то.

— Рука сильно болит, — соврал он деду.

Дома никого не было. Он сменил порванную рубашку и стал разогревать борщ. Пришел старший сын, восьмилетний Игорек, рыжий-конопатый, как сам Аркаша. «Тоже маленький ростом будет» — часто думал Аркаша с жалостью за сына и с бестолковой злостью на себя. Сын тихо встал рядом. Всегда вот такой — невидный, неслышный.

— Что, сынок, — Аркаша погладил его по голове, — картошку окучивал?

Игорек кивнул.

— Пап, тебе зачем две косы? — вдруг спросил он. — Дай мне одну.

— Выдумал! — строго сказал отец.

Игорек уткнулся взглядом в пол. Обиделся. А кланчить не станет, так молча и отойдет.

— Зачем тебе коса?

— Я дядь Боре скажу, он мне ее в мастерской нагреет и загнет в другую сторону. Сабля будет.

Аркаша улыбнулся:

— Мамка нам с тобой уши загнет в другую сторону. И нагреет.

Игорек смущенно фыркнул — понял шутку. У Аркаши ни с кем никогда шуток не получалось: начнет вроде перебрасываться словечками, а потом сам же первый оскорбляется, на личности переходит... Вот с сыном — получалось.

— Я тебя завтра на покос возьму. Там земляника. Я козла видел.

— А косить покажешь?

— Покажу. Ну, иди, сына, побегай теперь...

Едва Аркаша сел хлебать борщ, как дверь распахнулась и через порог друг за дружкой перекатились дочери: из яслей вернулись.

— Папа травичку косил! — закричала Таня.

— Тавичку асил! — повторила Настенька.

Аркаша зацвел, заулыбался.

— Коси-ил папа травичку! — сказала, протискиваясь следом в дверь, толстая Орбита с сумками в обеих руках. — Еще и лыбится, зараза!

Она опустилась на стул. Аркашина улыбка моментально спорхнула с лица и больше не появлялась, словно Орбита, садясь, прихлопнула ее задом.

— Ты че?

— А ты че? — закричала Орбита. — Люди с драги ехали — глядели твой укос. Двумя литовками косил, как же! У-у, срамотища! Куда ты день ухайдакал?

Аркаша черпнул ложкой, но не понес ее ко рту, а задержал на весу, будто поминальную рюмку. Орбита заметила у него на руке повязку, ахнула.

— Сильно порезал?

Аркаша, само собой, промолчал — скорбно и мужественно.

— Сильно, спрашиваю? — рявкнула Орбита.

— Не сильно! — тоже рывкнул Аркаша.

Она посидела, повздыхала — запела тоненько:

— Вон Бянкин уже сколь копен наметал. Дак он старри-ик!

— У него времени вагон.

— А у Кузьмича тоже было — вагон? Сколько он поутрянке скосить успевал. Дак он руководи-итель!

— А я в колхозе не успевал? Забыла?

— А... — махнула рукой Альбина.

— Раз на раз не приходится, — сказал Аркаша.

— «Раз на ра-аз!» У тебя все разы черепаши. У тебя вон борщ — и тот, небось, прям во рту застывает!

Аркашу как током ударило. Бросил ложку, крикнул:

— Иди к Бянкину. если у него не застывает!

Она не отреагировала, долго еще несла свое: про дожди, которые со дня на день могут начаться, и тогда плакал покос, а он ходит прохлаждается; и про то, что за отпуск надо еще успеть к матери съездить в колхоз, проведать. Аркаша молчал, стараясь успокоиться. К борщу он не прикасался, какой уж там борщ.

Вдруг Орбита затихла. Неужели отошла?

А она подалась к Аркаше и тихонько, примирительно даже, спросила:

— Ты уж не скрывай хоть от меня, — люди-то мне сказали... Что ты там искал целый день, в шипишке-то?

Аркаша скрипнул зубами. Потом поднялся во весь свой невеликий рост. И вышел из дому. Дверью не хлопнул, потому что вообще забыл ее закрыть. Пошел и пошел по дороге, пока поселок не кончился, и тогда только остановился, глядя на лес и не видя леса: слезы не давали. Шумно наполнил грудь воздухом, порциями выдохнул. Сказал громко:

— Что искал, что искал... Что надо — то и искал!

А наутро... Наутро — было новое утро. Рано-рано вышли они с сыном на покос. Игорек нес на плече легкое тальниковое косье, взятое для него у деда Бянкина напрокат. Он морщился, тер кулачком заспанные глаза, то и дело тыкался в землю наклонявшимся косьем.

Аркаша шел впереди и беззвучно ругался: ночью Альбина сказала: «Хватит пыхтеть-то!» — и он тотчас разразился ей в ответ яростными упреками пополам с руганью (шепотом, правда, чтоб детей не разбудить), — а она прижалась к нему, гладила волосы, лицо и все же остановила...

А теперь вот он решил мысленно доругаться. Но уже не было той охоты. Он вздохнул, оглянулся на сына:

— Э, засоня, а ну веселей!

Солнце брызнуло из-за сопки, когда пришли на покос. Отец поднял большую ржавую косу, поточил...

И вот увидел Игорек стремительный и размеренный ход косы, услышал ее странный, свистящий шорох. И удивился тому, как возникают среди травы стриженные кочки, будто застигнутые врасплох.

— Пап, а я? Я тоже хочу.

— Комарья меньше будет — тогда. Пока смотри.

— А где земляника?

Аркаша остановился. Показал вперед:

— Вон на том бугорке. Где сухое дерево. Эй, не беги, вымокнешь в траве. — Он помедлил и подмигнул сыну: — А вот я тебе к землянике дорогу выкошу...

Игорек, отмахиваясь веточкой от комаров, брел по коридору, проступавшему все дальше среди высокой, в его рост, травы.

А впереди шел отец. С каждым взмахом свистящей косы — все ближе к земляничному пригорку.

